

Салими Абдолмалеки Косар (Баболсар)

ЯЗЫКОВЫЕ ФАКТОРЫ, СОЗДАЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ЭКСПРЕССИЮ РУССКИХ ФРАЗЕМ С ОБОЗНАЧЕНИЯМИ ВРЕМЕНИ

Цель и материал исследования. Фраземы часто характеризуют как яркие, выразительные средства языка, специфические для каждого народа и тесно связанные с культурой. В данной работе мы продемонстрируем, какие языковые факторы создают национальное своеобразие и экспрессию особого класса русских фразем – оборотов, в состав которых входят лексемы с абстрактной семантикой, обозначающие время.

Материалом для исследования послужили воспроизводимые обороты русского языка, в составе которых присутствуют обозначения времени, его отрезков и промежутков. Общий объем корпуса рассмотренных фразем – 317 единиц. Фраземы извлекались методом сплошной выборки из словарей. Основной лексикографический источник – академический «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой в 4 томах (далее МАС). Использовались также и другие словари русского языка.

Национальное своеобразие русских фразем с обозначениями времени. Как и словам, фраземам присуща кумулятивная функция: они накапливают в своих значениях опыт, значимый для общества [1, с. 92]. Категория времени, будучи когнитивной универсалией, по-разному представлена во фразеологии конкретных языков. Поэтому

исследование русских фразем с компонентами, обозначающими время, важно для понимания русской языковой картины мира.

Национальное своеобразие фразеологии ярко проявляется в образах, лежащих в основе фразем. Н. Б. Мечковская так определяет образность применительно к фразеологии: «Свойство образности фразеологизма состоит в его семантической двуплановости: помимо узувального (словарного) значения, оборот обладает «внутренней картинкой» – наглядным представлением, которое создается («рисуетя») сочетанием слов, составляющих оборот. Смысловая связь (в сознании носителей языка) узувального и дословного значения оборота делает фразеологизм образным; такие обороты относятся к фразеологическим единствам» [2, с. 77].

Из 317 фразеологических единиц с обозначениями времени 117 фразем (36,90 %) являются фразеологическими единствами. Процент образных оборотов во фразеологии с обозначениями времени крайне мал по сравнению с долей образных идиом в фразеологии с другой лексикой, менее абстрактной и менее терминологичной, чем обозначения времени. Как показано в работе [3], в русской, белорусской и немецкой фразеологии с высокочастотными нетерминологическими словами (объем исследованных корпусов равен 891, 1051 и 1860 фразем) образные идиомы составили соответственно 76,3 %, 79,3 % и 81,6 %. У фразем с обозначениями времени образность не только встречается реже, чем во всей фразеологии, но и является неяркой, не вполне представимой наглядно (визуально).

Абстрактность семантики темпоральных лексем приводит и к тому, что образность обычно создается в результате употребления в переносном значении не обозначения времени, а другого компонента. Ср.: *убить время* ‘заняться каким-л. случайным делом для того, чтобы время прошло быстро, незаметно’ (МАС, т. IV, с. 444), *мертвый час* ‘послеобеденный отдых в лечебных или детских учреждениях’ (МАС, т. IV, с. 563).

Тем не менее, в нашей выборке есть образные фраземы, по которым можно судить о том, как отражается время в русской фразеологии. В некоторых случаях время воспринимается как живое существо, которое может *терпеть* или *не терпеть* что-то, *ждать* чего-то, *работать* на кого-то, *показать свое* и т. п., время можно *убить*. Интерес представляют определения к обозначениям времени, которые создают яркие образы, в том числе зрительные, вкусовые и слуховые: *золотой*

век 'об эпохе расцвета наук и искусств в истории какого-л. народа' (МАС, т. I, с. 146); *медовый месяц* 'о первом месяце супружеской жизни' (МАС, т. II, с. 244); *тихий час* 'послеобеденный отдых в лечебных или детских учреждениях' (МАС, т. IV, с. 563) и т. п.

Образы рождаются на стыке пространства и времени. Так, в нашей картотеке представлено 6 оборотов с компонентом *склон*, связанных с семантикой конца, например: *на склоне дней* 'в конце жизни или к концу жизни' (МАС, т. IV, с. 110). Время концептуализируется как субстанция, которую можно *тянуть*: *тянуть время* 'медлить с осуществлением чего-л.' (МАС, т. IV, с. 440). Привлекают внимание образные обороты с глаголами движения. Например, во время *входят* (*вступают*) и *выходят*: *войти в года* (устар.) 'стать взрослым' (МАС, т. I, с. 204) и т. п.

Часть оборотов обладает стертой образностью. Это можно вслед за Н. Б. Мечковской продемонстрировать на примере обстоятельства времени (наше исследование показало, что данная синтаксическая функция наиболее характерна для фразем из нашей выборки [4]), ср.: *в одно прекрасное время* 'однажды' и т. п. (МАС, т. III, с. 377). По мнению Н. Б. Мечковской, «обстоятельственное значение времени в коммуникации как бы нужнее «картинки»; необходимую говорящему экспрессию он добавит по другим каналам» [2, с. 64].

Экспрессия русских фразем с обозначениями времени. Анализ словарных помет демонстрирует, что фраземы с обозначениями времени характеризуются широкой сферой использования и низкой экспрессивностью: в выборке представлено незначительное количество фразем с эмоционально-экспрессивными коннотациями (4,04 %).

Экспрессивность, как и национальная специфика, тесно связана с образностью. И одной из предпосылок преимущественной стилистической нейтральности фразем из нашей выборки является то, что среди оборотов со значением времени много необразных фразем. При этом важно, что в нашем корпусе широко представлены необразные фраземы, которые являются не вторичным, а первичным обозначением чего-либо, например: *Новый год* 'день 1-го января' (МАС, т. I, с. 324), *академический час* 'период учебных занятий от конца одних и до начала следующих летних каникул' (МАС, т. I, с. 324).

Большинство рассмотренных фразем с компонентами, обозначающими время, имеют темпоральную семантику: 276 оборотов (87,07 % выборки) имеет отношение ко времени. А низкая экспрессивность, как показала Н. Б. Мечковская, характерна в целом для обозначений вре-

мени – и в лексике и во фразеологии: «В поле темпоральности лексика определяет основные оппозиции и линии в структурной организации поля, фразеология дополняет лексику, при этом далеко не всегда вносит расцветивающие экспрессивно-образные краски. Здесь, как и во всей градуально-количественной фразеологии, множество необразных, не экспрессивных оборотов, нужных прежде всего как номинативные единицы, а не прагматические приправы» [2, с. 59–60].

Экспрессивность фразем создается наличием в их составе различных языковых средств, к примеру, таких как рифма, плеоназм, тавтология [5, с. 146]. Д. О. Добровольский отмечает, что если в состав фраземы входят такие маркированные компоненты, как архаизмы, имена собственные, названия специфических реалий и т. п., то это создает этнопрагматическое своеобразие оборотов [6, с. 52]. Данное обстоятельство указывает на связь экспрессивно-стилистической и национально-культурной маркированности во фразеологии.

Из языковых средств создания экспрессии для анализируемой выборки наиболее значима тавтология. Тавтологическая фразема – это оборот, «образованный повторением корня слова» [7, с. 48]. В нашем корпусе представлено 30 тавтологических фразем со словами, обозначающими время (9,46 % от всей выборки). В русском языке встречаются также фраземы, основанные на плеоназме (*пути-дороги* и т. п.), но в изученной нами фразеологии плеонастические обороты не представлены. При этом только 10 из 54 темпоральных лексем (18,52 %), входящих в состав фразем, образуют тавтологические конструкции: *век, год, день, час, время, минута, секунда, заря, неделя, ночь*. При этом удельный вес тавтологических фразем для некоторых слов достаточно высок. Например, 25 % фразем со словом *век* (6 оборотов из 24) и 22,73 % со словом *год* (5 из 22) имеют тавтологический характер. Приведем ряд примеров: *век вековать, во веки веков, год за годом, с году на год*.

Отметим, что 25 тавтологических фразем из 30 (83,33 %) образуют конструкции, выполняющие функцию обстоятельства времени, например, *час в час* ‘точно, в установленный, назначенный срок’. Тяготение тавтологических фразем к адвербиальной функции уже отмечали лингвисты в работах, выполненных на материале различных славянских языков [8].

Выводы. Национальное своеобразие и экспрессия русских фразем с обозначениями времени тесно связаны с таким языковым фактором,

как образность. А образность фраземы, в свою очередь, зависит от семантической организации оборота – от переносного использования словосочетания в целом или одного из его компонентов. Абстрактность семантики темпоральных лексем приводит к тому, что в рассматриваемой фразеологии образных оборотов не так много (как, например, во фразеологии с названиями явлений природы или с сома- тизмами), при этом образность обычно создается в результате употребления в переносном значении не лексемы, обозначающей время, а другого компонента. Тем не менее, существующие образные обороты демонстрируют особенности концептуализации времени в русской фразеологии (персонификацию времени, связь времени и пространства и т. д.).

Лексемы с темпоральной семантикой играют конституирующую роль во фраземе, что, в частности, проявляется в синтаксических особенностях исследуемых единиц, а также в их денотативной отнесенности: исследуемые фраземы в большинстве случаев используются в роли обстоятельства времени и обозначают что-то, связанное с временем. При этом синтаксическая функция обстоятельства не является благоприятной для реализации экспрессивного потенциала фраземы. Из средств создания экспрессивности востребована тавтология, которая также оказывается связанной с синтаксической функцией обстоятельства. Таким образом, данное исследование показывает тесную взаимосвязь различных характеристик русских фразем с обозначением времени.

1. Верещагин, Е. М. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Словари и лингвострановедение: сб. ст. / под ред. Е. М. Верещагина. – М., 1982. – С. 89–98.

2. Мечковская, Н. Б. Образная концептуализация градуально-количественных представлений в русской фразеологии // *Kognition, Sprache und phraseologische/parömiologische Graduierung* / Н. Jachnow [et al.]; ред.: Н. Jachnow, Т. Dresler, Z. Idrizović. – Wiesbaden, 2005. – S. 58–153.

3. Мечковская, Н. Б. Опыт моделирования грамматической и семантико-образной структуры национальных фразеологий (на лексикографическом материале русского, белорусского и немецкого языков) / Н. Б. Мечковская, Е. Г. Панфилова // *Słowo. Tekst. Czas XI: frazeologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokuturo-logicznym i frazeograficznym* / pod red. M. Hordy [et al.]. – Szczecin; Greifswald, 2012. – S. 577–591.

4. Салими Абдолмалеки, К. Грамматические классы фразем с компонентами, обозначающими время (на материале русского языка) / К. Салими Абдолмалеки // *Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология.* – 2016. – № 1. – С. 100–107.

5. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология: учеб. пособие / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989.
6. Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (II) / Д. О. Добровольский // Вопр. языкознания. – 1998. – № 6. – С. 48–57.
7. Ожегов, С. И. О структуре фразеологии. / С. И. Ожегов // Лексикографический сборник. – М.: АН. СССР, Отд-ние лит. и яз., 1957. – Вып. 2. – С. 31–53.
8. Иванов, К. И. Редубликаты в структуре болгарских и белорусских фразем / К. И. Иванов // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, 28 марта 2008 г.: сб. материалов / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2008. – С. 75–78.